

# Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России\*

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук, E-mail: [iglazyrina@bk.ru](mailto:iglazyrina@bk.ru) Е.А. КЛЕВАКИНА, кандидат экономических наук, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН и Забайкальский государственный университет, Чита. E-mail: [bedew@yandex.ru](mailto:bedew@yandex.ru)

Изучается соотношение уровня развития регионов России (характеризуемого валовым региональным продуктом – ВРП – на душу населения) и неравенства населения регионов по доходам. Выявлено, что с ростом душевого ВРП неравенство по доходам в большинстве регионов растёт, при этом сырьевая ориентация региональной экономики не является определяющей. Положительная корреляция между душевым ВРП и коэффициентом Джини в регионах России определяется фундаментальными факторами распределения национального богатства в экономике страны в целом. *Ключевые слова:* неравенство по доходам, валовой региональный продукт на душу населения, кривая Кузнеца

Начиная с 2000 г. во всех российских регионах наблюдался экономический рост (кроме периода мирового кризиса), не исключая и традиционно считающиеся депрессивными регионы Сибири и Дальнего Востока, где не добывают нефть и газ. Однако отток населения из этих регионов, начавшийся в 1990-е, не прекращается. Одна из серьёзных причин – межрегиональное неравенство по социально-экономическим показателям (в частности, растущее неравенство по удельной экологической нагрузке<sup>1</sup>). В контексте миграционных процессов важны не только темпы, но и *качество экономического*

\* Работа выполнена в рамках Проекта СО РАН IX.88.1.6, Задания Министерства науки и образования РФ в ЗабГУ (проект 1.2.12), а также при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал». Авторы признательны К.П.Глушенко за ценные замечания и предложения, которые позволили улучшить качество работы.

<sup>1</sup> Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Уровень экономического развития и распределение экологической нагрузки между регионами РФ // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 7; Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Межрегиональное неравенство в России и перспективы развития восточных регионов // Труды Института системного анализа РАН. – 2010. – Т. 54.

*роста:* сопровождается ли он повышением или снижением качества жизни. Ведь экономический рост может приводить не только к позитивным, но и к негативным социальным последствиям: увеличению *внутрирегионального* неравенства населения по доходам, усилению отрицательного воздействия на окружающую среду и др.

А рост неравенства по доходам и сопровождающее его имущественное расслоение неизбежно усиливают социальное напряжение и рост преступности, что увеличивает дискомфорт проживания в регионе. Поэтому динамика неравенства по доходам в зависимости от темпов роста является важной *характеристикой качества экономического роста*. В данной статье мы количественно оцениваем её как для всех регионов России, так и для различных групп, особо выделив регионы, где заметную долю в промышленном производстве составляет добыча полезных ископаемых, а также те, которые имеют дополнительные возможности для развития трансграничных отношений.

## Кривая Кузнеца в России

В середине XX века Саймон Кузнец высказал знаменитую гипотезу, что неравенство в распределении доходов в процессе экономического развития вначале возрастает, но затем, по мере роста доходов на душу населения, снижается. Соответствующая колоколообразная кривая, показывающая связь неравенства по доходам и душевых доходов, получила название кривой Кузнеца. Ряд эмпирических работ подтверждают эту гипотезу, но нужно отметить, что многие исследователи считают это описание процессов развития далеко не универсальным<sup>2</sup>.

Так, Дж. Стиглиц в качестве контрпримера приводит динамику развития стран Юго-Восточной Азии в последней трети XX века<sup>3</sup>. Успешное развитие этих стран шло параллельно со снижением неравенства. Дж. Стиглиц объясняет это тем, что доходы от растущего производства стали довольно быстро

<sup>2</sup> См., например, обзор: Charles-Coll J.A. The Debate Over the Relationship Between Income Inequality and Economic Growth: Does Inequality Matter for Growth? // Research in Applied Economics. – 2013. – V. 5, No. 2.

<sup>3</sup> Stiglitz J. Some Lessons From The East Asian Miracle // The World Bank Research Observer. – 1996. – V. 11, No. 2.

реинвестироваться в проведение земельной реформы, что, в свою очередь, привело к повышению продуктивности в сельском хозяйстве, росту доходов и сбережений. Очень важным фактором успеха он считает масштабные инвестиции в образование, которое послужило «интеллектуальной инфраструктурой» для роста производительности. Этот пример, по-видимому, говорит о том, что выбор «правильной» стратегии развития и последовательная её реализация позволяют миновать болезненный период, когда рост сопровождается усилением социального неравенства, или, по крайней мере, снизить высоту «пика» кривой Кузнеца.

В нашем анализе мы тем не менее опираемся на гипотезу С. Кузнеца. В качестве показателя уровня развития региона используется валовой региональный продукт (ВРП) в расчёте на душу населения в постоянных ценах 2008 г. Душевой ВРП в году  $t$  в постоянных ценах  $y_t$ , рассчитан на основе данных Росстата как  $y_t = y_t^* \cdot Y_t / Y_t^*$ , где  $y_t^*$  – душевой ВРП в текущих ценах<sup>4</sup>,  $Y_t^*$  – ВРП в текущих ценах<sup>5</sup>,  $Y_t$  – ВРП года  $t$  в ценах 2008 г. Последний показатель получен цепным методом на основе годовых индексов физического объёма ВРП, отсчитываемых от 2008 г<sup>6</sup>. ВРП на душу населения Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО рассчитан иначе:  $y_t = Y_t / N_t$ , где  $N_t$  – численность постоянного населения округа в среднем за год<sup>7</sup>. Показателем внутрирегионального неравенства по доходам служит коэффициент Джини<sup>8</sup>,  $G_t$ .

На приведённых далее графиках отображена эмпирическая зависимость  $G_t(y_t)$ , а также линия регрессии  $G_t = a + by_t$  (индекс года на

графиках опущен). Отметим, что другие виды зависимости (степенная, логарифмическая и др.) не приводили к заметному улучшению качества подгонки линии регрессии к данным. Если не указано иное, коэффициенты при  $b$  статистически значимы на уровне 1%. Первоначально анализ был проведен отдельно для периодов 2000–2007 гг.

<sup>4</sup> Источник: URL: [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/dusha98-11.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/dusha98-11.xls)

<sup>5</sup> Источник: URL: [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/vrp98-11.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-11.xls)

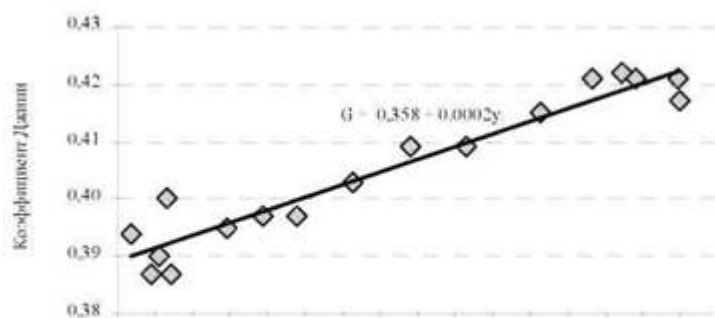
<sup>6</sup> Источник: URL: [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/din98-11.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/din98-11.xls)

<sup>7</sup> Источник: URL: [www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31556&referrerType=0&referrerId=1292836](http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31556&referrerType=0&referrerId=1292836)

<sup>8</sup> Источник: URL: [www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31165&referrerType=0&referrerId=1292865](http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31165&referrerType=0&referrerId=1292865)

(до кризиса) и 2000–2011 гг. Однако оказалось, что кризис не оказал существенного воздействия на изучаемые нами процессы, поэтому здесь показаны результаты только за весь период 2000–2011 гг.

Обратимся сначала к соотношению между экономическим ростом и неравенством в масштабах всей страны. На рисунке 1 представлена связь между величиной душевого ВВП и коэффициентом Джини в России в 1995–2011 гг. Душевой ВВП в ценах 2008 г. рассчитан аналогично душевому ВВП с тем отличием, что ВВП в постоянных ценах не требует расчёта, поскольку этот показатель имеется на сайте Росстата<sup>9</sup>. Отметим, что коэффициент Джини характеризует здесь неравенство по доходам *всего* населения России.



140 150 160 170 180 190 200 210 220 230 240 250 260 270 280 290 300 ВВП на душу населения, тыс. руб. в ценах 2008 г.

Рис. 1. Специфика кривой Кузнеця в России

Как видно, по мере увеличения дохода, приходящегося в среднем на одного жителя России, он распределяется всё более неравномерно. Но, конечно, из-за огромных различий в развитии российских регионов усреднённая по стране картина не очень информативна, необходим также анализ в разрезе отдельных регионов или их групп.

<sup>9</sup> Источники данных, использованные для графика на рис. 1: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2011 гг. (приложение к стат. сб. «Российский стат. ежегодник. 2012»), URL: [www.gks.ru/\\_free\\_doc/doc\\_2012/year/pril\\_year2012.xls](http://www.gks.ru/_free_doc/doc_2012/year/pril_year2012.xls); Валовой внутренний продукт (в ценах 2008 г., млрд руб.). URL: [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab2a.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab2a.xls)

Рисунок 2 показывает различие (как в состоянии, так и динамике) между Москвой, Новосибирской областью с её довольно диверсифицированной экономикой и развитой промышленностью, и двумя приграничными (по отношению к КНР) и депрессивными регионами. В рамках концепции кривой Кузнеця можно высказать гипотезу, что три последних региона пока находятся на «левой» (восходящей) ветви этой кривой, и им ещё предстоит (в оптимистическом варианте) «перейти» на правую ветвь при достижении определённого уровня душевого ВВП. Логично ожидать, что этот уровень будет значительно варьироваться по регионам. Москва же, судя по всему, преодолела этот пик, но на очень высоком уровне неравенства по сравнению с нынешним уровнем дифференциации доходов в других регионах.

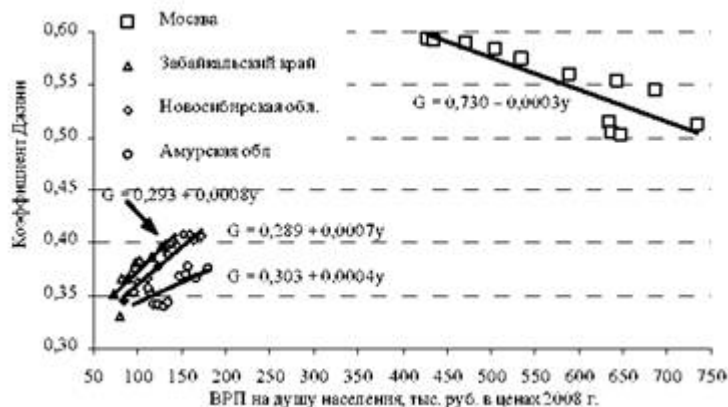


Рис. 2. Соотношение между душевым ВВП и неравенством по доходам в Москве, Новосибирской и Амурской областях и Забайкальском крае

## Регионы с сырьевой ориентацией промышленности

Итак, в Новосибирской, Амурской областях и Забайкальском крае неравенство по доходам в 2000–2011 гг. увеличивалось с ростом душевого ВРП. Является ли это случайным? Мы выделили несколько групп регионов. Прежде всего нас интересовали те, в социально-экономическом развитии которых важную роль играет минерально-сырьевой комплекс.

В качестве критерия использовались соотношение объёмов валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств и доля добычи полезных ископаемых в ВРП. Если добывающие отрасли давали не менее 9% ВРП и их вклад составлял более 50% от доли обрабатывающей промышленности на протяжении последних нескольких лет, то регион был отнесен к группе с сырьевой ориентацией промышленности, в противном случае – к несырьевым (регионам с относительно диверсифицированной структурой промышленности). В России в целом доля добычи полезных ископаемых в ВВП в 2005–2011 гг. менялась в пределах 9,7–12,8%, составляя 52–69% от доли обрабатывающих производств. Среди сырьевых регионов были выделены нефтегазодобывающие. Эти две подгруппы сырьевых регионов представлены в таблице 1.

**Таблица 1. Подгруппы регионов с сырьевой ориентацией промышленности, среднее за 2005–2011 гг., %**

Регион	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП к доле обрабатывающих производств
Нефтегазовые регионы		
Ненецкий АО	71,4	33320,0
Оренбургская обл.	37,3	288,3
Республика Коми	31,7	297,9
Республика Саха (Якутия)	37,6	1791,2
Республика Татарстан	24,7	134,5
Сахалинская обл.	46,6	1160,9
Томская обл.	27,1	186,9
Удмуртская Республика	25,7	131,6
Ханты-Мансийский АО	67,8	3570,7
Ямало-Ненецкий АО	53,2	4184,3
Ненефтегазовые регионы		
Белгородская обл.	17,6	80,9
Забайкальский край	9,0	264,7
Калининградская обл.	9,6	55,1
Кемеровская обл.	27,5	158,3

Окончание табл. 1.

Регион	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП к доле обрабатывающих производств
Курская обл.	13,5	96,8
Магаданская обл.	21,3	712,9
Мурманская обл.	13,5	65,7
Республика Карелия	12,9	81,3
Республика Хакасия	9,6	58,0
Чукотский АО	26,2	3105,1

**Источники:** Расчёты авторов по данным Росстата: URL: [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab42.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab42.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab43.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab43.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/tab44.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab44.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/otr-stru08.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru08.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/otr-stru09.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru09.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/otr-stru10.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru10.xls), [www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/vvp/otr-stru11.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/otr-stru11.xls)

На рисунке 3 представлены два сибирских и два дальневосточных региона с сырьевой ориентацией промышленности (кроме Якутии, они не относятся к нефтегазовым). Видно, что неравенство по доходам в этих регионах с ростом душевого ВРП стабильно усиливается, правда, с разной скоростью. Такая динамика характерна для всех регионов данной группы. К настоящему времени уровень неравенства в них примерно одинаков при значительных различиях в *номинальном* душевом ВРП<sup>10</sup>.

Для сравнения представлены соотношения между динамикой душевого ВРП и неравенством в ещё нескольких нефтедобывающих регионах: на рисунке 4 – находящихся в европейской части страны, на рисунке 5 – в азиатской.

Вопрос о душевом ВРП нефтегазовых автономных округов является дискуссионным. Поскольку особенность этих территорий – масштабное использование вахтовиков, то не все показатели, опирающиеся на душевой ВРП, оказываются корректными – например, производительность труда. Именно

<sup>10</sup> Оценка ВРП в постоянных ценах обеспечивает сопоставимость разновременных значений этого показателя для одного и того же региона, но между регионами душевые ВРП остаются несопоставимыми из-за значительного различия уровней цен. Расчёт реальных ВРП представляет собой весьма сложную задачу (см.: Гранберг А. Г., Зайцева Ю. С. Межрегиональные сопоставления валового регионального продукта в Российской Федерации // Вопросы статистики. – 2003. – № 2), которую мы перед собой в данной работе не ставили.

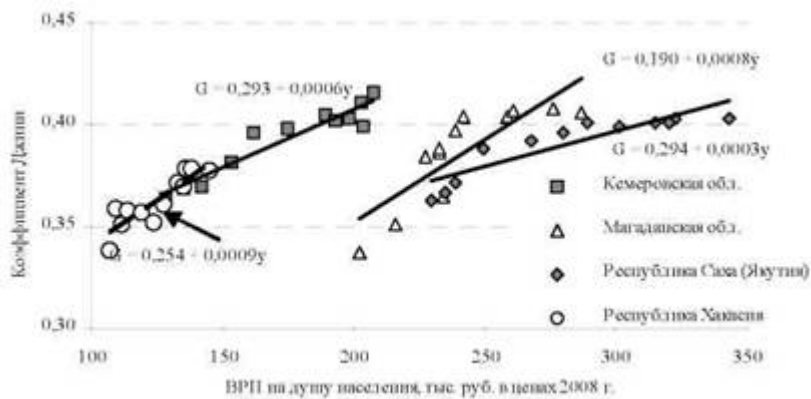


Рис.3. Соотношение между душевым ВРП и неравенством по доходам для некоторых регионов с сырьевой ориентацией промышленности



Рис.4. Соотношение между душевым ВРП и неравенством по доходам в нефтегазовых регионах европейской части России

поэтому Росстат не оценивает ВРП на душу населения по автономным округам. Однако нас здесь интересует добавленная стоимость, произведённая в расчёте на единицу постоянного населения этих территорий с учетом всех её особенностей, в том числе рынка труда. Данные Ю.С. Зайцевой говорят

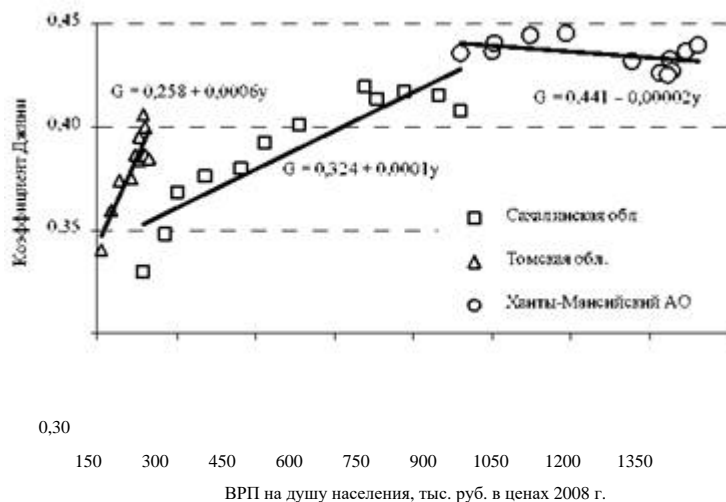


Рис.5. Соотношение между душевым ВРП и неравенством по доходам в нефтегазовых регионах азиатской части России  
Примечание. Коэффициент при  $y$  значим на уровне 10% в уравнении для ХМАО и на уровне 1% – в остальных случаях

о том, что внутреннее использование ВРП этих регионов значительно превышает аналогичный средний показатель по России, даже с учётом разницы в уровнях цен<sup>11</sup>. И мы склонны согласиться с ней в том, что «ВРП без расчёта на душу населения теряет ценность для разработки и реализации пространственной и бюджетной политики. Поэтому, даже понимая факт неполного соответствия численности постоянного населения автономных округов и ВРП, расчёт душевого показателя для них всё же следует осуществлять»<sup>12</sup>. Отметим, что в Ханты-Мансийском АО, как и в Москве, с ростом душевого ВРП неравенство сокращается.

Является ли положительная связь между душевым ВРП и неравенством особенностью сырьевых регионов? Отнюдь нет. В регионах с более диверсифицированной, несырьевой структурой промышленности наблюдается та же тенденция. Для примера на рисунке 6 приведены четыре несырьевых региона европейской части страны. Лидирует по темпам роста

<sup>11</sup> Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт: что и как мы измеряем //

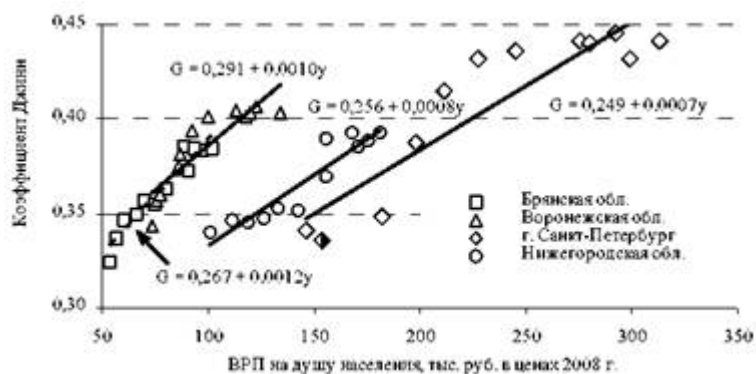


Рис. 6. Соотношение между душевым ВРП и неравенством доходов для некоторых несырьевых регионов европейской части России

неравенства Санкт-Петербург. Обращает на себя внимание существенная разница между регионами: при сравнимых показателях неравенства уровень номинального душевого ВРП в Нижегородской области заметно выше, чем в Воронежской и Брянской.

### Приграничные регионы

Для оценки возможного влияния трансграничных экономических связей на исследуемые процессы мы выделили группу приграничных регионов. Особый интерес среди них представляют сибирские и дальневосточные, с точки зрения того, насколько существенное воздействие на качество экономического роста (а именно, на внутрирегиональное неравенство) оказывает приграничное сотрудничество с быстрорастущими экономиками северных провинций Китая.

В регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири к настоящему времени сложились устойчивые экономические связи с Китаем. Учитывая высокие темпы роста экономики КНР, можно было бы ожидать, что эти связи оказывают положительное влияние на экономику данных регионов, по крайней мере, приграничных. Существенные основания для этих ожиданий даёт потенциал приграничного сотрудничества для

развития малого и среднего бизнеса, торговли, туризма и различных форм экономической самоорганизации местного населения. Однако анализ показал, что в большинстве регионов, граничащих с КНР, показатели темпов роста и инвестиционной активности в 2000–2007 гг. были значительно ниже общероссийских<sup>13</sup>. Недавний кризис не привёл к существенным изменениям<sup>14</sup>.

На рисунке 7 показана динамика соотношения между душевым ВРП и уровнем неравенства в двух приграничных регионах Дальнего Востока (см. также рис. 3, где представлены данные для Забайкальского края и Амурской области), и в Ленинградской и Калининградской областях. Здесь также видна положительная корреляция между душевым ВРП и неравенством по доходам, при этом у регионов, граничащих с КНР, не наблюдается существенных отличий по сравнению с приграничными регионами европейской части России.



Рис. 7. Соотношение между душевым ВРП и неравенством доходов в приграничных регионах

<sup>13</sup> Забелина И.А., Клевакина Е.А. Сравнительный анализ эколого-экономического положения российских регионов // Безопасность в техносфере. – 2009. – № 6; Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. – 2011. – № 9.

<sup>14</sup> Zubarevich N. Crisis in regions of Russia and the anti-crisis policy // Natural resource development, population and environment in Russia: their present and future in relation to Japan. Proceedings of the second Russian-Japanese seminar, September 13–14, Moscow. – Moscow: «Mega», 2010.

Таким образом, нет оснований считать, что сотрудничество с КНР, обусловленное территориальной близостью и дополнительными возможностями для трансграничного сотрудничества, играет существенную роль в изучаемых нами закономерностях. Надо, однако, иметь в виду, что значительная доля как «трансграничных инициатив», так и обусловленных ими доходов находится в теневом секторе вследствие высокого уровня коррупции и слабости контролирующих ведомств.

## Кто виноват и что делать

Выше мы показали связь между душевым ВРП и неравенством только для некоторых регионов, относящимся к различным группам. Но эта картина характерна для большинства российских регионов: увеличение неравенства по доходам с ростом душевого ВРП наблюдается в 72 из 82 регионов (в трёх случаях зависимость значима на уровне 5%, в остальных – на уровне 1%). Статистически значимая связь между душевым ВРП и индексом Джини отсутствует в восьми регионах: в Алтайском крае, Карачаево-Черкесской Республике, республиках Бурятия, Калмыкии и Марий Эл, Тюменской области, Чукотском и Ямало-Ненецком АО. И только в двух регионах – Москве и Ханты-Мансийском АО – при росте душевого ВРП неравенство снижается.

Такая картина отличается от наблюдаемой по большому числу стран связи между душевым ВВП и неравенством<sup>15</sup>. Но ясно, что ожидать полной аналогии с результатами межстрановых сравнений нельзя, поскольку в России происходит перераспределение доходов между регионами через федеральную бюджетную систему. Однако наш анализ показывает, что система перераспределений бюджетных доходов в России, призванная хоть как-то способствовать выравниванию благосостояния между регионами, не обеспечивает сокращения неравенства доходов *внутри* регионов, скорее, наоборот.

Поскольку неравенство по доходам – это та сфера, на которую может и должна оказывать влияние государственная социальная политика, то напрашивается вывод, что в России

<sup>15</sup> Гуреев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. – 2010. – № 3.

её вряд ли можно назвать успешной, по крайней мере, в части сокращения внутрирегионального неравенства по доходам. Можно оценивать с этих позиций и усилия Правительства РФ по повышению пенсий и зарплат в бюджетной сфере, а также «выравниванию» регионов с помощью межбюджетных трансфертов. Зарплаты и пенсии были *по-разному* повышены традиционно низкооплачиваемым категориям – работникам здравоохранения и образования – и чиновникам и работникам силовых структур. Это отнюдь не способствовало сокращению внутрирегионального неравенства в период 2000–2011 гг. Во всяком случае, не очевидно, что ситуация с неравенством в России в ближайшем будущем изменится при сохранении тех же тенденций в социально-экономической политике. Чтобы снизить высоту «пика» кривой Кузнеца и способствовать переходу состояния страны в целом и её регионов на правую ветвь кривой, необходимы целенаправленные усилия государства по преодолению нынешней тенденции.

Встаёт вопрос об инструментах, которые могли бы снизить высоту пика кривой Кузнеца и сократить время перехода на её правую ветвь. Видимо, они могут различаться в зависимости от конкретного региона. Но, исходя из полученных результатов, можно сказать, что «симптомы» – рост неравенства с ростом ВРП – являются общими для большинства регионов, а значит, и «болезнь» имеет общероссийский характер. Поэтому и «рецепты» – меры государственного регулирования для решения этих проблем – необходимо «прописывать» прежде всего на федеральном уровне.

Иногда в качестве инструмента выравнивания доходов предлагается национализация крупных компаний, которая, по предположению, будет способствовать более справедливому распределению национального богатства. Однако данные таблицы 2 свидетельствуют против такой гипотезы: в то время как государство концентрирует в своих руках всё большую долю экономики, неравенство населения по доходам, как показывает рисунок 1, продолжает расти. Разумеется, тут необходима оговорка, что речь идет о существующих ныне в России социально-политической системе и формальных и неформальных институтах, определяющих стиль как государственного управления, так и поведения других экономических агентов.

Таблица 2. Динамика концентрации собственности в руках государства в 2004–2008 гг.

Показатель	2004	2006	2007	2008
Доля акций российских компаний, принадлежащих государству, %	н.д.	26,9	35,1	40-45
Количество российских компаний из 400 крупнейших, контролируемых государством	81	103	н.д.	н.д.
Доля совокупной выручки 400 крупнейших компаний России, контролируемых государством, %	34,7	н.д.	40	н.д.

Источник: Радыгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) // Вопросы экономики. – 2008. – № 8.

Одним из факторов увеличения внутрирегионального неравенства является сохранение чрезвычайно низких доходов в подавляющем большинстве сельских поселений (по сравнению с растущими доходами жителей городов), где очень мала доля бюджетников из числа чиновников и работников силовых структур. Возрастающая государственная поддержка агропромышленного комплекса в существующей институциональной системе за последнее десятилетие не привела ни к более или менее ощутимому росту производительности труда, ни к созданию упоминаемой Дж. Стиглицем «интеллектуальной инфраструктуры».

Ещё одним фактором роста неравенства является эффект трансфертных цен и тот факт, что значительная доля доходов от добычи сырья перераспределяется в рамках вертикально интегрированных компаний за пределы сырьевых регионов, преимущественно в Москву. Механизм трансфертных цен приводит к сокращению ВРП в сырьевых регионах. Уровень доходов на горнорудных и угольных предприятиях существенно ниже, чем в нефтегазовом секторе, и заработная плата работников этих предприятий не слишком отличается от доходов остального населения региона, в котором они расположены. Тем не менее из-за трансфертных цен и здесь происходит «вымывание» доходов в центральные регионы, что усиливает *межрегиональную* дифференциацию. Бюджетные трансферты в определенной степени её смягчают, однако не

способны, как мы видим, повлиять на снижение *внутрирегионального* неравенства.

«Вымывание» доходов, несомненно, задерживает экономический рост, развитие малого и среднего бизнеса, сферы услуг и в целом ещё больше увеличивает отставание бедных регионов от остальных, даже при наличии у них природных ресурсов и удобного приграничного положения. Кроме того, экономические результаты приграничного сотрудничества с КНР в разработке месторождений полезных ископаемых могут не всегда быть однозначно положительными для российской стороны<sup>16</sup>.

Из-за нынешней институциональной системы такие преимущества регионов, как наличие природных богатств и удобное

географическое положение, зачастую не работают на их благосостояние. Более того, сложившиеся неформальные институты, в частности, сращивание бизнеса и власти, а также коррупция, заставляют эти факторы работать в противоположном направлении. Яркий пример – лесопользование в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Богатство лесных ресурсов и близость к границе с Китаем, предъявляющим высокий и постоянно растущий спрос на древесное сырьё, в условиях некачественного государственного управления стали причиной хищнической эксплуатации природного капитала восточных регионов страны, не принеся им экономического процветания<sup>17</sup>. Здесь уместно вспомнить тонкое наблюдение Н.В. Зубаревич о том, что нынешние институты в России – это гораздо в большей степени барьеры, чем стимулы для развития регионов<sup>18</sup>. Процессы развития регионов востока России дают тому многочисленные и выразительные примеры.

<sup>16</sup> Глазырина И.П., Калгина И.С. Лавлинский С.М. Проблемы освоения минерально-сырьевой базы Востока России и перспективы модернизации региональной экономики в условиях сотрудничества с КНР // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4.

<sup>17</sup> Колесникова А.В. Трансграничные факторы в развитии лесопромышленного комплекса Забайкальского края // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 22.

<sup>18</sup> Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2.

\* \* \*

Итак, увеличение неравенства по доходам с ростом ВРП наблюдается в подавляющем большинстве (88%) регионов России. Факторы, связанные с преимуществами приграничного положения (в частности, близость к КНР) не оказывают влияния на такую зависимость. То же относится и к регионам как с сырьевой, так и несырьевой ориентацией промышленности. Это говорит о том, что увеличение неравенства по мере экономического роста не следует трактовать как одно из проявлений «ресурсного проклятья», поскольку сырьевая ориентация региональной экономики не оказывается тут существенной и определяющей. Положительная корреляция величины душевого ВРП и коэффициента Джини в регионах России определяется фундаментальными, характерными для социально-экономической системы страны в целом, факторами, влияющими на распределение национального богатства.